

## ОППОЗИЦИЯ РОССИЯ – ЗАПАД В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА Н.Д. ГОРОДЕЦКОЙ

*Л.Г. Головина*

*Аспирант кафедры литературы  
e-mail: [artemida1007@yandex.ru](mailto:artemida1007@yandex.ru)*

*Курский государственный университет*

*В статье рассматривается тема России и Запада в контексте литературы русского зарубежья. Анализируются особенности изображения дореволюционной, советской России и Европы в творчестве Н.Д. Городецкой. Обосновывается положение, что оппозиция Россия – Запад являлась одной из ведущих тем поэтов и писателей в эмиграции.*

**Ключевые слова:** *Городецкая, Россия, Европа, литература русского зарубежья.*

Тема России и Запада была исключительно актуальна для русского сознания. Начиная с XVIII века, этот вопрос обрел особую остроту вследствие политики Петра I, взявшего курс на европеизацию страны, что позволило в итоге сформировать то особое национальное сознание, соединившее в себе «традиции русской духовной и европейской интеллектуальной культуры» [Россия и Запад... 2008: 12].

В XIX веке оппозиция *Россия – Запад* находит отражение в работах славянофилов (А.С. Хомяков «Сущность западного христианства», И.С. Аксаков «В чём сила России?», Н.Я. Данилевский «Россия и Европа») и западников (В.Г. Белинский «Россия до Петра Великого», А.И. Герцен, Н.П. Огарев «Голоса из России»), пытающихся определить истинный путь России, особенности русского национального характера и возможность гармоничного взаимодействия Востока и Запада [Егоров 2003: 68].

Революция, Гражданская война, эмиграция русской интеллигенции в XX веке вызывают новый виток в давней дискуссии, обозначившийся в трудах сменовехцев (Н.А. Гредескул «Россия теперь и прежде», Н.В. Устрялов «Россия (У окна вагона)») и евразийцев (П.Н. Савицкий «Поворот к Востоку», «Континент – Океан (Россия и мировой рынок)», Н.С. Трубецкой «Об истинном и ложном национализме») [Смирнова 2006: 27]. Последние видели в русской революции катастрофу, а возрождение страны – в развороте на Восток. Вместе с тем настойчивее начинает звучать мысль, высказанная П.Н. Савицким в сборнике «Исход к Востоку»: «Россия двулика. Одним лицом она обращена к Востоку, другим к Западу» [Исход к Востоку. Предчувствия и свершения 1921: [http](http://)]. Другими словами, России приписывают особую миссию объединения обеих сторон

Света. И в этом видится разгадка знаменитых блоковских строк: «Нам внятно всё – и острый галльский смысл, И сумрачный германский гений...» [Блок 1958: 20].

С другой стороны, русская интеллигенция в изгнании, вдали от России ощущает духовное одиночество, разочарование, чуждость западного мира. В стихотворении М.И. Цветаевой «В Париже», написанном в 1909 году, есть строки:

«В большом и радостном Париже  
Мне снятся травы, облака,  
И дальше смех, и тени ближе,  
И боль как прежде глубока» [Цветаева 2011: 14].

Образ России в сознании эмигрантов приобретает некий сакральный смысл, становится символом истинного счастья и подлинной ценности. Европа, имеющая долгую историю, развитую культуру и экономику, при всех неоспоримых достоинствах так и остается чужой для русского человека.

«Но есть уверенность в том, что страдание только начинается, а впереди много сурового труда и еще ... Россия» [Городецкая 2013: 42]. Эти строки были написаны в 1935 году Надеждой Даниловной Городецкой – русской писательницей, критиком, журналистом, богословом, чей жизненный и творческий путь складывался непросто. Родилась Н.Д. Городецкая 28 июля 1901 года в Москве, детство провела в Тверской губернии. В 1919 году семья была вынуждена уехать на юг, спасаясь от гражданской войны. В толпе беженцев Надежда Даниловна теряет мать Марию Дмитриевну и сестру Ольгу. В одиночестве она отправляется в Константинополь, затем в Югославию, в 1924 году оказывается в Париже, где начинается ее литературная жизнь. Надежда Даниловна печатается в русских и французских изданиях, входит в литературное объединение «Кочевье», берет знаменитые интервью у А.И. Куприна, А.М. Ремизова, Н.А. Тэффи, И.С. Шмелева, публикует романы «Несквозная нить», «Мара», «L' exil des enfants», многочисленные рассказы, очерки, статьи, о которых одобрительно отзывались А.И. Куприн, В.Ф. Ходасевич, Б.К. Зайцев. В 1934 году она отправляется в Англию, где долгое время работает в Оксфордском университете [Любомудров 2013: 7–15]. Тем не менее, до конца жизни писательница оставалась глубоко одинокой русской женщиной, утратившей в начале жизненного пути родину; тонко и психологично передававшей это в своих произведениях: будь то трагическая судьба русского человека в эмиграции, тяжелый труд женщин в Европе или дети, взрослеющие без отечества. Именно поэтому одной из сквозных тем всего творчества русской писательницы является оппозиция *Россия – Запад*, представленная как на композиционном и сюжетном уровнях, так и в подтексте, в том числе в коннотативной окраске используемых лексических единиц.

Россия и Европа в творчестве писательницы выступают в качестве чуждых друг другу миров, в качестве черты, разделяющей судьбы героев-эмигрантов. Разрыв настолько очевиден, что в сборнике Н.Д. Городецкой «Остров одиночества» выделяется несколько циклов – «Россия ушедшая» и «Исход», «Балканские зарисовки», «Французские сюжеты», «Туманный Альбион».

Цикл «Россия ушедшая» объединяет рассказы-откровения, детские воспоминания, сохранившие картины той старой, дореволюционной России, о которой герои произведений Н.Д. Городецкой будут вспоминать в эмиграции с особой теплотой и трепетом. Это, прежде всего, описания деревенского быта, природы, православных праздников, походов в кинематограф, первой любви – все то, что составляет тихую, размеренную жизнь простого русского человека. Эти воспоминания дороги сердцу автора, поэтому с особой тщательностью прописываются мелкие, казалось бы, ничего не значащие детали, но именно они создают неповторимый образ ушедшей России: «Я и подруга моя Юля тайком выбрались из сада на городской вал... На обеих русские сарафаны, нити бус» [Городецкая 2013: 160].

Большинство произведений Н.Д. Городецкая посвятила изображению нелегкой судьбы русской женщины в Европе. Представляя читателю главного героя рассказа или романа, автор обязательно сообщает о его жизни до эмиграции, в России. Для Н.Д. Городецкой это своеобразный маркер, с помощью которого она с горечью дает понять – Европа меняет людей, ломает их судьбы. В этом отношении показателен цикл «Из жизни Кати Белосельской», где перед читателем предстает «неблагочестивая, но веселая и дружная» семья, в чьем доме гостят родственники, знакомые, находят приют нищий – «тихий, чистенький, седовласый», которого называют не иначе как дедушка, – и «уродливая собака с кривой лапой» [Городецкая 2013: 267]. В основе семьи – любовь к людям, к природе, к родине, православная вера. В этом Н.Д. Городецкая видит гармонию жизни: «Дома ждала разукрашенная столовая, подарки и накрытый в детской особый низенький стол, где повторяли и пасхи, и кулич, и мазурки, умилительно маленькие, особые – для Кати и для Пети» [Городецкая 2013: 269].

Та старая, почти забытая Россия ассоциируется со спокойной, счастливой, беззаботной жизнью. В этом контексте неоднократно звучат слова *радость, удивление, нежность, красота*. Главная героиня – Катя, чувствительная, добрая девочка, которая, оказавшись в эмиграции, превращается в Кису Бель, равнодушную светскую женщину, надевающую «маску», чтобы настоящую ее не видели, не узнали в ней одинокую, ранимую, оставшуюся в действительности той же самой русской девочкой Катей.

Всех героев произведений Н.Д. Городецкой объединяет память о родине. В романе «Несквозная нить» есть строки: «Она (Вера. – Л.Г.) говорила, и Егор перебивал ее, добавляя от себя те милые подробности быта, о которых в тряске гражданской войны некогда было даже и вспомнить. Вера вздохнула: – Как хорошо было в России» [Городецкая 2013: 112]. Практически в каждом произведении Н.Д. Городецкой звучит слово *Россия*, но всегда оно обозначает именно дореволюционную страну, оставшуюся для эмигрантов подлинной родиной. Как, например, для героини рассказа «Со дна памяти»: «Коляска свернула на лесную дорогу. И тогда я вдруг обернулась, встала коленями на сиденье, стараясь – да, именно умышленно пытаюсь запечатлеть зрелище последнего сарая и закругляющейся березовой аллеи. Но как передать словами, что листья были некрупны, немного уже сухи... а в сарае стучал топор... почти забытый в эти годы звук России. А ведь только я одна знаю, что я разлучалась тогда не с деревней, летом и любовью, но на многие годы исключала себя из всей этой родной стихии» [Городецкая 2013: 42].

Слово *Россия* способно объединить совершенно чужих людей, потому что несет в себе мечту о родном доме, недостижимую, утраченную, казалось, навсегда. В рассказе «Самоубийство» главная героиня так описывает первые в эмиграции похороны: «Священник речь произнес – о загробной родине. Все плакали. Не о покойнице. О себе, о земной далекой родине, которую, Бог знает, увидим ли мы когда-нибудь» [Городецкая 2013: 221].

Даже иностранец, побывавший в России или уважающий, любящий эту страну, для русских эмигрантов переставал быть чужим, далеким. Внешность, национальность, черты характера, мировоззрение оказывались менее важным, чем заветная связь с родиной. Наиболее отчетливо это заметно в романе «Несквозная нить»: «Он (Васич. – Л.Г.) занимает большой пост в министерстве, слывет истым сербом, – но Вере часто кажется, что он – земляк, так как Россию он не только любит, но и знает много лучше, чем она сама» [Городецкая 2013: 123]. Изменить это впечатление героям Н.Д. Городецкой удавалось далеко не всегда: «Она (Катя. – Л.Г.) вдруг поняла, что дорогой, свой, особенный, Эрик был только иностранцем, побывавшим в России» [Городецкая 2013: 307].

Интересно, что все персонажи рассказов употребляют исключительно слово *Россия*, практически никогда не имея в виду родной город, губернию, деревню. В редких исключениях описание конкретной местности воспринимается читателем родным, «своим» только потому, что неотделимо географически, исторически и культурно от России. Примером может служить рассказ «Филимон и Бавкида»: «И вдруг – точно залило сердце теплом, счастьем. Он увидел свой кубанский хутор, сад, Нину, остановившуюся в таком же луче...» [Городецкая 2013: 240]. Образ России у героев произведений Н.Д. Городецкой вызывает положительные эмоции

и в случае ее утраты непреодолимую горечь, равносильную смерти, как в рассказе «Самоубийство»: «Заболела Петровская. Человек она была добрейший, бесхитростный. Я думаю, тоска по дому и соболезнование окружающим ее и сразили... в неделю сгорела» [Городецкая 2013: 220]. Трагично на этом фоне выглядят страдания собаки, лишенной привычного уклада жизни: «Трое суток Рики ничего не ел и переживал тоску по родине» [Городецкая 2013: 315].

В рассказе «Небесный Иерусалим» главный герой отец Иван, находящийся уже долгое время в эмиграции, открывает для себя причину той непреодолимой связи русского человека с его страной: «Но ведь для него эта страна, эти поля были сильнее всякой страсти. Он был их, он был с ними связан кровью, плотью и сердцем... именно с этой жизнью, со зрелищем полей и крестьянского труда, со звучание деревенских песен, птичьего щебета... лесов, полей, хвой...» [Городецкая 2013: 327]. Это особое чувство родины, которую можно было вместить в заветное слово *Россия* со всеми городами, полями, реками, та самая Русь святая, воспетая А. Блоком и С. Есениным: «Выходя из музея, любуясь просторами площади, спускаясь к Сене... зачарованная камнем, асфальтом, дрожью серой реки и хрупким рисунком ветвей, Нина уже не знала в точности, где живет, и, полная Парижем, закрывая глаза, еще усиливала яркость впечатления. Но то лучшее, что оставалось в ее сознании, она приписывала России. Она шла по набережной Сены, а думала о синей Неве, и, как победный марш, повторяла «Медного всадника...» (рассказ «Lutecia» из цикла «Детство Нины») [Городецкая 2013: 331].

Это же чувство, по мнению Н.Д. Городецкой, заставляло эмигрантов пристальнее всматриваться в картины европейской жизни, чтобы найти в них что-то русское. В вышеупомянутом романе «Несквозная нить» показательны следующие строки: «Вера, бледная от дороги, с затекшими ногами, еле шла, но лицо ее сияло, радостная внутренняя дрожь щекотала тело... Она осматривалась, расспрашивала, перебивала: – Как похоже по расположению на Петербург, на Варшавский вокзал. Ой, смотри, отель «Петроград» [Городецкая 2013: 122].

Особенно сильно чувство «русскости» проявляется в детях, оказавшихся в эмиграции. Снова и снова Н.Д. Городецкая заставляет их обратиться к утраченному, почти забытому дому. В цикле рассказов «Детство Нины» перед читателями предстает ребенок в эмиграции, который о России ничего не помнит, но чувствует связь с ней: «Как ни странно, она (Нина. – Л.Г.) чаще спрашивала о России, чем о своей матери, – возможно, что ее занимала эта страна, как занимает всех детей тридесатое государство» [Городецкая 2013: 319].

Несомненно, именно «русскость» вынуждает иностранцев отделять русских людей от всех остальных:

«– Вы бы и эту даму полы мыть заставили!»

Он простодушно смеется:

– Русскую не заставил бы» [Городецкая 2013: 124].

В романе «Несквозная нить» один из героев советует эмигрантам не жить прошлым, а смотреть в будущее. Но для них Россия, оставшаяся в прошлом, никогда не переставала быть настоящим. Обратное воспринимается как измена. Вот и звучат слова главного героя рассказа «Небесный Иерусалим» отца Ивана, воспринимаемые как призыв: «Не соблазниться бы, не возлюбить ее (столицу Франции. – Л.Г.) чрез меру, не изменить бы родине и Тебе» [Городецкая 2013: 327].

И все же настоящее в сознании эмигрантов связывалось с другой – советской Россией, о которой в произведениях Н.Д. Городецкой говорится мало и вскользь, но практически всегда в одном эмоциональном ключе. Примером может служить рассказ «Простое сердце»: «А теперь еще наши шалые коллектив изобрели. Иду я позапрошлый год по селу, а Петька Куренко в нетрезвом, извините, состоянии на гармонии нажаривает. «Ты бы, говорю, Петр, вместо того, чтобы «Чайку» наигрывать, трубу в хате починил». А он мне на это, что частная собственность упраздняется... Старики, мол, для нового строя без надобности» [Городецкая 2013: 321].

Жизнь России во время и после гражданской войны описывается трагично – это нищета, голод, смерть. Это и доходящие почти до безумия попытки найти заработок, иметь хоть что-то, чтобы поесть и согреться: «Письма из России приходили все реже, содержание их было непонятно... Сестра Кречетова помогала крестьянам на выжимке подсолнухов и запаслась маслом на всю зиму. Что это было за масло... и почему интеллигентной женщине надо помогать крестьянам – это было не ясно. Потом тетя Лиля уведомила о смерти своей матери и о том, что ей удалось выменять собрание сочинений Толстого на хорошую суконную занавеску, так что у мурки будет теплое пальто». Все это с горечью отмечает Н.Д. Городецкая в рассказе «Родина» [Городецкая 2013: 496].

Нередко изображения реалий советской жизни облекались в форму сатиры, иронии, как, например, в рассказе «Гадание»: «Елку в том году не ожидали: до елки ли тут, когда люди стоят в очередях за предметами первой необходимости, а праздники объявлены пережитком?» [Городецкая 2013: 273].

Особый трагизм проявляется в детских воспоминаниях об этом времени: «Он (Петров. – Л.Г.) рассказал о детстве, отравленном Гражданской войной и голодом, об уличных боях, о нетопленной школе второй ступени...» [Городецкая 2013: 300].

Русская интеллигенция в эмиграции с трудом пытается сохранить хоть что-то уцелевшее от старого мира. Н.Д. Городецкая обращает внимание, что в эмигрантах нет вражды, ревности, ненависти к людям из СССР, осталась только жалость: «Они там все герои. Или умерли за эти годы, или такое в них терпение, что действительно стыдно за себя

становится», – заключает Вера, главная героиня романа «Несквозная нить» [Городецкая 2013: 132]. Н.Д. Городецкая обвиняет не большевиков, а эпоху, разрушившую столько судеб, принесшую несчастья и утраты и для тех, кто покинул страну, и для тех, кто остался.

Строки о Западном мире в творчестве писательницы проникнуты пустотой, одиночеством, тоской. В древнерусской традиции на западе как стороне света помещался ад. Поэтому русские люди всегда тяжело воспринимали заимствование западных традиций и норм. Эти мотивы ощущаются и в произведениях Н.Д. Городецкой. Главная героиня романа «Несквозная нить», оказавшись в эмиграции, замечает: «А мне... все кажется, что мы здесь заживо погребены» [Городецкая 2013: 116]. Эмиграция для русских людей сопоставима со смертью, с библейской трагедией, что подтверждается цитированием строк из Евангелия в рассказе «В дни потопа» – «Горе беременным и питающим сосцами в те дни» [Городецкая 2013: 201].

Европа в произведениях писательницы предстает в двух образах – родиной для местного населения и чужбиной для русских эмигрантов. Городецкая подробно описывает жизнь французов: «Жизнь у них размеренная и определенная, переезжают они редко, приблизительно в одинаковые часы гуляют, ездят за покупками. Поживите год на одном месте, – вы узнаете всех обитателей квартала» [Городецкая 2013: 438]. Эмигранты, напротив, ощущают себя лишними и ненужными. Суровый быт и тяжелая работа – вот что ожидало русских эмигрантов на Западе. О работе русской женщины в Европе подробно описано в очерке Н.Д. Городецкой «Русская женщина в Париже». Приведем лишь несколько цитат, которые обрисовывают общую атмосферу эмигрантской жизни: «В любом учреждении найдешь русскую служащую. Инициатива, добросовестность, выдержка их поражает иностранцев» [Городецкая 2013: 577]; «Эта медленная, упорная, трудовая победа казалась мне более блестящей и значительной, чем любая американская легенда» [Городецкая 2013: 581]; «Иногда кажется, что все мелочи, все игрушки, автомобильные фетиши, платочки, цветы, – все, что носит название *articles des Paris* – изготавливается русскими руками» [Городецкая 2013: 593].

В рассказе «Простое сердце» Н.Д. Городецкая словами главного героя пытается найти оправдание всему тому, что пришлось перенести русским людям на Западе: «Отец Иван в смирении своем и не подозревал, что его ежедневное раскаяние за кровь и пищу, и мир, стыд за каждый съеденный кусок... его боль о голодной земле, о страждущей земле российской, еще усиливается ежедневным зрелищем Парижа, – был тоже своего рода мученический путь» [Городецкая 2013: 324]. Именно этот мученический путь русских через революцию, гражданскую войну, эмиграцию, по мнению писательницы, есть дорога к очищению, к смирению, и, следовательно, к счастью – России.

Таким образом, тему России и Запада в творчестве Н.Д. Городецкой можно рассматривать как традиционное в рамках русского самосознания соотношение «свое-чужое», на текстовом и подтекстовом уровнях обозначенное как семантическая оппозиция «счастье/несчастье». Автобиографичность произведений писательницы может позволить исследователям глубже и точнее изучить феномен русского зарубежья как неотделимого составляющего культуры России.

### ***Библиографический список***

*Блок А.А.* Скифы // Блок А.А. Двенадцать. Скифы. М.: Гослитиздат, 1958. 23 с.

*Городецкая Н.Д.* Остров одиночества: роман, рассказы, очерки, письма / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудрова. СПб.: Росток, 2013. 845 с.

*Егоров Б.Ф.* От Хомякова до Лотмана. М.: Языки славянской культуры, 2003. 368 с.

*Исход к Востоку.* Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев, кн. 1. София, 1921 [Электронный ресурс]. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isход.php> (дата обращения: 23.12.2017).

*Любомудров А.М.* Надежда Городецкая. Очерк жизни и творчества // Городецкая Н.Д. Остров одиночества: роман, рассказы, очерки, письма / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудрова. СПб.: ООО Росток, 2013. 845 с.

*Россия и Запад: горизонты взаимопознания:* лит. источники послед. трети XVIII века. Вып. 3 / Э.Л. Афанасьев, Н.Д. Блудилина, Л.В. Гладкова и др.; отв. ред. Н.Д. Блудилина. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 847с.

*Смирнова А.И.* Литература русского зарубежья (1920–1990): учеб. пособие для вузов. М.: Флинта: Наука, 2006. 637с.

*Цветаева М.И.* В Париже // Цветаева М.И. Избранное. М.: Аделант, 2011. 288 с.